

ТАТЬЯНА И. ВЕНДИНА
(Москва)

МОТИВАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА

Реализация идеи создания Общеславянского лингвистического атласа явилась крупнейшим достижением сравнительно-исторического языкознания XX в. Для развития и воплощения этой идеи в жизнь много труда и усилий приложил выдающийся представитель мировой компаративистики академик Павле Ивич, данью глубокого уважения к которому является эта скромная статья.

Общеславянский лингвистический атлас имеет, как известно, прежде всего сравнительно-историческую направленность, поскольку „в основе его лежит генетический принцип установления диахронического тождества слов и морфем, реконструируемых для позднего праславянского периода“. Сравнение славянских языков и диалектов с учетом закономерных фонемных и морфемных соответствий должно иметь своим итогом в будущем реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

Однако кроме сравнительно-исторической Атлас имеет и синхронно-типологическую направленность, и эта типологическая проблематика Атласа имеет не меньшую ценность для изучения истории славянских языков и динамики их развития. Это прекрасно показал в своем докладе на IX съезде славистов акад. П. Ивич, доказавший, что материалы Атласа могут быть использованы в создании диахронической типологии славянских языков.

Так, в частности, публикация уже первых фонетических томов Атласа позволила обратиться к изучению вопроса о причинах, влияющих на развитие систем вокализма славянских языков. Одной из таких причин, объединяющих развитие всех славянских языков, является, — по мнению П. Ивича, — тенденция к упрощению системы вокализма.

И хотя это упрощение в разных славянских языках протекало по-разному, однако определенные закономерности все же прослеживаются. Они связаны с действием главным образом двух факторов — просодических (ударение, количество, тон) и позиционных (граница слова — начало или конец, качество предшествующего и последующего согласного, а также качество гласного следующего слога). Главными из них, как показал П. Ивич, являются ударение (а точнее безударность), количество и мягкость соседнего согласного. Причем территориальная дистрибуция действия этих факторов разная: в восточнославянских языках, как и на восточной окраине южнославянских языков, наблюдается комбинация двух факторов — ударения и мягкости согласного. В западнославянской области наибольшее воздействие оказывали количество и мягкость согласного. В словенском языке и ближайших к нему хорватских диалектах существенным было влияние количества и ударения. В кайкавских и чакавских говорах особенно значимо было количество, а ударение оказывало небольшое влияние. В штокавских говорах, а также в большинстве македонских и в некоторых западно-болгарских говорах действия этих факторов практически не наблюдалось (Ivić 1983 :1).

Дальнейшая публикация Атласа даст, несомненно, толчок к возникновению новых идей и направлений в развитии славянской компаративистики, однако уже сейчас совершенно очевидно, что материалы Атласа, в частности, его лексико-словообразовательной серии, имеют еще одну чрезвычайно важную ценность — лингвокультурологическую, а точнее культурно-историческую. Несмотря на то, что эта культурно-историческая направленность Атласа в опубликованных томах ОЛА пока еще ясно не эксплицирована, однако в дальнейшем она может быть достаточно четко представлена на этнолингвистических картах Атласа, соединяющих в себе принципы собственно лингвистического и этнографического анализа картографируемого материала. В этом отношении особое значение приобретают мотивационные карты, поскольку они позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка культуры. Ярким примером такой карты может служить карта № 44 'божья коровка' I лексико-словообразовательного тома Атласа „Животный мир“.

Карта, на первый взгляд, кажется довольно сложной для восприятия читателя, поскольку она перенасыщена чрезвычайно дробной и детализированной информацией, содержание которой и этнолингвистическая значимость читателю остаются не совсем ясными. Мало что проясняет и комментарий к карте, в котором автор, проф. С. Уте-

шены, говорит о картографической концепции карты, выделяя в связи с этим 10 рубрик, получивших картографическую репрезентацию:

- 1) прототип *vedronьka* = *vedьgьko*;
- 2) прототип */apo/lěньka* — часто в сочетании с *pi/n/ka*;
- 3) названия по именам лиц: а) Марья; б) женские; в) мужские имена;
- 4) а) женские названия по родству типа *rapьna*, *babьka*; б) названия, связанные с народными суевериями — типа *vorьzьka*, *rověтьmьcica*;
- 5) тип *sъlniцьko* // = *ъцьko*;
- 6) тип *boзьja korьzьka* (обыкновенно уменьшительные формы); *boзьjь volьkь* и другие домашние животные;
- 7) тип *ze/g/zulьka* и другие по названиям птиц;
- 8) по названиям насекомых — тип *muшьka*, *komatьgь*;
- 9) по названиям растений и предметов (по цвету или форме) — типы *такoвьka*, *korьbьka*;
- 10) названия по характеру окраски — тип *бурeньka*, *kropель-пицьka*.

При этом автор отмечает, что „в группах 1-6 имеются мифические или магические мотивации“ (ОЛА I, 1988: 131), это замечание, однако, мало что проясняет для читателя, поскольку неясно, о каких „мифических или магических“ мотивациях идет речь.

Эта некоторая сжатость комментария к карте объясняется не только принятым в ОЛА алгоритмом комментариев, но, по-видимому, и тем, что несколько ранее в статье, опубликованной в сборнике „Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1975“, посвященной названиям божьей коровки в ОЛА, проф. С. Утешены довольно подробно рассматривает принципы мотивации этого маленького жучка. Классифицируя названия божьей коровки, автор устанавливает пять основных номинативных групп, а именно:

- 1) „реалистические“ названия по внешнему виду и времени появления;
- 2) названия мифологические — с последующей дифференциацией названий, связанных с солнцем, культовыми животными и именами святых;
- 3) названия, возникшие на основе детских фольклорных игр с запевками;
- 4) заимствования из других языков;
- 5) неясные названия.

Конкретизируя свою классификацию, С. Утешены выделяет более дробные признаки, не имеющие, к сожалению, общего основания,

поскольку, с одной стороны, им учитывается характер основы (ее этимология), с другой — номинативный тип, с третьей — словообразовательный тип деривата, а с четвертой — происхождение лексемы (является ли она исконной или заимствованной). В результате обширный и довольно пестрый материал Атласа распределяется им по следующим группам:

1) названия от основы [vedronъka] — с включением названий по именам святых и другим именам;

2) названия от основы [pi/nъ/ka] с рифмованным сочетанием [lпъka// lъъka] с присоединением к именам Аполлонии, Елены и др.;

3) названия от основы [maria], самое распространенное южнославянское [bubamara];

4) названия, восходящие к именам святых [katarinъka, margeticа], уменьшительное к [ivanъ];

5) названия, обозначающие лиц, особенно женского пола, и степень родства [matinъka, ranъka, baba, nevъsta, malъzenъka, pastuъka] с особой подгруппой предсказательниц [godunъka, vorъka, povъmъca];

6) уменьшительные имена от основы [sълъco];

7) уменьшительные имена от названий домашних животных и домашней птицы, приписываемой богу [boъja kogъka, ovъca, boъъ volъkъ];

8) названия от птичьих имен [ze/g/zulja, elbedikъ];

9) наименования по обозначению насекомых [muъka, mogъka, komarikъ];

10) названия по растениям [abolъka, makovъka];

11) названия по предмету [kogъka, kolda, /s/krinъka];

12) названия описательные — по окраске и пятнышкам [krasъ-njavka, kroleъniъka].

13) названия рифмованные, как правило, из стихов детского фольклора типа [kogъka-bogъka, rinъka-linъka];

14) названия заимствованные, целиком вошедшие в основные семантические категории (kalamanъka 'прекрасная матушка', marien-käfer 'жучок Марии');

15) названия неясные, часто иностранного происхождения, деформированные по соображениям табу (мак. sigmalen, сх. colbaba, укр. šečir).

Мы сознательно привели всю эту классификацию с целью проиллюстрировать сложность как самого материала, так и его интерпретации.

Анализ этого материала с разных точек зрения невольно наталкивает на мысль, что ключ к прочтению карты следует искать не только в лингвистических критериях, но и в этнолингвистических, совмещение которых на карте многое прояснит в ее организации. Развернувшаяся в последние годы работа по составлению „Словаря славянских древностей“ (к настоящему времени уже опубликованы два тома этого издания), а также выход в свет солидной монографии А. В. Гуры „Символика животных в славянской народной традиции“ (М., 1997, где божьей коровке посвящена целая глава), наконец, многочисленные публикации по этнолингвистике, посвященные божьей коровке (см., например, работы В. Н. Топорова, О. А. Терновской, Д. Младеновой), позволили нам провести эту работу, результаты которой выявили удивительные корреляции между собственно лингвистическим материалом и мифологической семантикой этого полезного жучка как истребителя тли.

Однако прежде чем перейти к разбору материала карты, остановимся на этнолингвистической трактовке этого названия. Следует сразу отметить, что в толковании символики этого мифологического образа наблюдается расхождение во мнениях, что объясняется, по-видимому, разной степенью глубины его реконструкции.

В работах В. Н. Топорова мифологическая семантика божьей коровки связывается с концепцией т.н. основного мифа. В его трактовке божьей коровки выделяется несколько мотивов: 1) мотив скота, принадлежащего богу или некоему божественному персонажу (ср. рус. божья коровка; болг. божа кравица или кравичка; плс. *boża krówka*; сх. божја овчица; литов. *dievo karvytė*; рум. *vaca domnului* ‘корова (ка) бога’; нем. *Herrgottschäffchen* ‘овечка бога’; франц. *bête á bon Dieu* ‘животное бога’, *poulette á Dieu* ‘курочка бога’). Эти названия связываются с распространенным сюжетом кражи скота бога-громовержца его противником; 2) мотив солнца, которое также иногда обозначается как божье (ср. в-луж. *bože slónčko*; укр. сонечко; нем. *Sonnenkäfer* ‘солнечный жучок’; *Sonnenkälbchen* ‘солнечный теленок’). Эти названия, основанные на внешнем виде божьей коровки (летающее насекомое округлой формы красного или желтого цвета), связываются с сюжетом „небесной свадьбы“, где божья коровка соотносится с образом солнца (положительным персонажем); 3) мотив жены громовержца (отрицательный персонаж), наказанной огнем за измену мужу и превратившейся в солнцеподобного жучка (в этом контексте следует рассматривать следующий детский стишок: „Божья коровка! Улети на небо, принеси нам хлеба, черного и белого, только не горелого“); 4) мотив детей жены громовержца (согрешившая жена дает начало вре-

доносным насекомым – комарам, мухам, москитам, трактуемым как ее дети): эти дети солнца воплощаются в днях недели, из которых седьмой отмечен как „день солнца“ (ср. англ. Sunday; нем. Sonntag 'воскресенье'). Мотив наказания огнем за грех матери детей божьей коровки (которых семеро, как и дней недели – по числу пятнышек на ее спинке, ср. многочисленные названия божьей коровки как „семипятнышковой“, „семиточечной“, например, чеш. *sedmítečka*); 5) мотив самого громовержца (древнеиндийское название божьей коровки *indragora* „та, чей пастух индра“ отсылает нас к мифологическому мотиву коров громовержца). Кроме того, на это как будто бы указывают и названия божьей коровки от имени Сидор, а также украинские названия *папарушка*, *папаруза*, соотносящие ее с персонажем балканского обряда вызывания дождя – *пеперудой*, в названии которой скрыто имя громовержца. (Топоров, 1987, 1: 181–182).

Интересно, что в более поздней своей статье, посвященной мифоритуальной „коровье-бычьей“ конструкции, В. Н. Топоров, вновь возвращаясь к названиям божьей коровки, отмечает, что „солнечные“ названия божьей коровки (укр. *сонечко*, в-луж. *bože slónčko*, чеш. *sluníčko/slonečko* и др.) в конечном счете соотносят образы солнца и коровы и отсылают к мифологеме свадьбы Солнца“ (Топоров, 1999: 510).

Концепция О. А. Терновской (которая во многом нашла сочувственную поддержку А.В. Гуры, оценившего предложенную ею гипотезу как „убедительную и правдоподобную“) развивает сюжет „свадьба Солнца“. В соответствии с этой концепцией названия божьей коровки соотносятся с персонажами этого мифологического сюжета (*невеста*, *жена*, *сиротка*, *пастушка*, *ворожея*, *ведьма* и др.) и с реалиями обрядности летнего солнцестояния (и прежде всего с обрядом Иванова дня), когда на роль невесты „Солнца-Ивана“ и его жены выбирается реальная маленькая девочка, одетая в красное, как крылья божьей коровки, свадебное покрывало (ее имя в ритуальных песнях производно от архаического корня **tag-*, ассоциирующегося с христианским именем Мария). Она наделена способностью предсказывать будущее, поэтому к ней как к прорицательнице обращаются с вопросами о свадьбе, жизни и смерти, урожае и хозяйстве и проч.

Несмотря на разную трактовку этого мифологического образа, в обеих интерпретациях прослеживаются определенные сходжения, а именно: солярная символика божьей коровки, мотив свадьбы солнца, соотнесенность ее как с мифическим женихом (мужем), так и мифической невестой (женой).

Если обратиться теперь непосредственно к материалу карты, то нетрудно заметить, что в большинстве своем названия божьей коровки

представляют собой метафорическую антропоморфизацию, поскольку в языковом сознании носителей диалектов подвижные объекты внешнего мира очень легко персонифицируются, и в этой персонификации и проявляется этническое своеобразие языка разных культур. Материал этой карты дает основание высказать предположение, что в названиях божьей коровки отразились древние мифологические представления славян об этом полезном жучке. Именно они составляют основу карты, в то время как собственно „реалистические“ названия этого жучка (типа **плс.** пп. 241–242 kro'pieln'ička; п.310 'krop'ana; **блр.** п. 371 l'a'pošučka; **рус.** п.527 kras'natka; п. 793 ka'mar'k'ras'n'in'k'ija; п. 755 krug'l'anka; п. 761 bu'r'en'ka; п.774 bu'r'en'kə) или идентифицирующие (типа **плс.** п. 219 muška; п. 245 mrovečka; п. 249 mroyfka; **укр.** п. 418 mu'račnik; п. 506 žu'čok; **рус.** п. 730 bu'kaškə; п. 780 ka'mar'ik) представлены в виде единичных, локализующихся на периферии Славии.

Интересно также, что в большинстве славянских диалектов этот полезный жучок воспринимается как своеобразный „посланец“ Бога, о чем говорят, с одной стороны, многочисленные описательные названия с атрибутивом „божий“ (ср. **слн.** п. 17 'božji 'volik; п. 149 'božina mar'ge:ca; **серб.** п. 37 'bo:žja ov'čica; п. 44 'božja ov'čica; **хорв. кайк.** п. 30 п. bō:žja k'ravica; **чак.** 147a 'buožja k'ra:vica; **мак.** 90 'kravica 'božica; **слц.** 212 pa:mboškova kravička; п. 215 pamboškova ovečka; **луж.** п. 237 'bož'e 'suonč'ko.; **плс. маз.** 263 bož'a kraučka; 266 boža krufka; **блр.** 327 'božija ka'roučka; 329 ka'roučka 'božuja; **укр.** 361 'bož:a ko'rovka; 417 'boža ko'ruočka; 425 'boža ko'roučka; 439 'boža ka'roučka; **рус.** 560 'bož:a ka'rofka; п. 576 'božja 'muxon'ka; п. 578 'božyj ba'rašok; 603 'božja ko'rofka; 656 'boga ka'rofka; п. 746 'boγəva bu'karka; п. 790 'babəč'kə 'božje), а с другой — однословные номинации с корневой морфемой bog- (ср. **серб.** п. 44a 'bogenə; **блр.** п. 334 ba'hočka).

Судя по материалам карты, в названиях божьей коровки наиболее разработанным является мифологический сюжет „свадьба Солнца“ (ср. в связи с этим такие названия, как 'careva ne'vestica (п. 90), cara'nestica (п. 92), ne'vestulka (п. 97), mom'če i dejče (< momče i devojče п. 93); van'a žyn'išok (п. 838) и др.).

В одних славянских диалектах мифологическая семантика божьей коровки соотносится с женихом, в других диалектах божья коровка является символом невесты на этой свадьбе, в третьих — символом самой свадьбы и ее атрибутов, в четвертых — символом жены и т.д. Причем каждый из этих персонажей получает свое осмысление в разных культурах.

Мифический ЖЕНИХ передается следующими лексемами:

– с корнем *sъlnьс- (*sъlniцько, *sъlnьцько, *sъlnьсьпiкъ, *sъlnьцько). Это довольно обширный ареал, охватывающий все лужицкие диалекты (ср. ср. луж. п. 234 'sûn'icko; 235 'sûnč'ko; 236 'sîljin'cko; 237 'bož'e 'sûnč'ko:), западную часть чешских (ср. чеш. п. 175 slun'í:čko; 176 slun'í:čko vi:čko; 179-180 slun'í:čko; 182 slun'í:čko; 185-186 slun'í:čko; 190 slunečko; 192 slun'í:čko), несколько пунктов на юго-западе великопольских говоров (ср. плс. п. 278 b'edronecka sūnecko; 279 sūnko; 280 sūnysko), практически все юго-восточные и некоторые юго-западные (ср. укр. п. 499 'sonęčko; 507 'sonyčko) украинские говоры;

К этой же группе имен следует, по-видимому, отнести и лексемы с корнем *vedьr- (*vedronьka, *vedrunьka, *vedьrько, *vedьr'ikъ, *vedьrjanьсь с многочисленными фонетическими вариантами, касающимися как реализации начального губно-зубного согласного, ср. польские формы bjedronka (п. 251), medronka (п. 286), petronka (п. 301) и др., так и консонантного сочетания -dr-, которое в чешских диалектах подвергается упрощению), связанные с солнцем опосредованно, т.к. их можно рассматривать как производные эпитеты солнца, ср. фольклорное клише *солнышко-ведрышко* (именно такую трактовку в качестве рабочей предлагает и С. Утешены, объясняя свое сближение основы *vedьr- с лексемой *vedro. Этой „связью с ясной погодой (вёдро) объясняет наличие вариантов *ведрик* (*бедрик*) и В. Н. Топоров (Топоров 1987: 182), не случайно божья коровка появляется в теплую солнечную погоду (ср. также рус. п. 680 'p'odrę-v'odrę). В пользу сближения названий с корнем *vedьr- с солярной символикой божьей коровки свидетельствует и ареал этих названий, который покрывает практически всю территорию польских говоров и охватывает западные чешские говоры, всю территорию ляхских, а также некоторых ганацких (чеш. пп. 194 vęronka; 195 beruňka) и моравских (чеш. п. 206 bedru:ňka), т.е., по сути дела, это та же культурно-историческая традиция;

– с корнем *ivan- (*ivanьćikъ, *ivašьka, *ivašьцька, *ivašišьka, *vanьćikъ, *vanьцька, *vanja, *vanьka, *vanjuša, ср. п. 838 van'a žyn'išok), ареал этих лексем локализуется в русских говорах, причем только в южнорусских, а точнее в курско-орловских и рязанских (ср. рус. п. 765 i'vaška 'krasn'in'ka ru'baška; 769 'van'ə-suma'rok; 781 'van'k'a; 818 i'vaška; 820 'van'əč'k'a; 824 i'va'šiška // i'vaška // 'van'č'ik; 831 'van'ič'ka; 832 i'van'č'ik; 833 'van'ə-kəp'i'tan; 838 'van'a-'van'a // 'van'a žyn'išok; 839 i'vaška; 844 'van'č'ik; 845 'van'a // va'n'uša; 848 i'van'eč'ka // 'van'eč'ka). Эти лексемы, как совершенно справедливо отмечает С. Утешены, „можно по-видимому связывать с обрядами на Ивана-Ку-

пала и с функцией гаданий о женихе“ (Утешены 1977:26).¹ Христианизированная перекодировка этого мифологического персонажа (явление, довольно часто встречающееся на стыках культур) отразилась в названиях, связанных с мужскими именами, восходящими к именам канонических святых – Николая, Петра, Андрея, Исидора /Сидора, Феодора /Федора (*andrejko, *isidor'ko, *theodor'ko, *petrik', *petra's'ky, *nikolajčik' и др.): интересно, что все эти лексемы локализируются в основном в белорусских диалектах – либо северо-восточных (ср. **блр.** пп. 340 p'itra'čok; 347-348 and'rejka; 358 and'rejka; 368 and'rejka-b'ratka; 378 xva'dorka; 388 and'rejka), либо юго-западных (ср. **блр.** пп. 376 x'v'edarko; 383 's'idorko; 385–386 x'w'edarko; 391 'petryk; 394-396 'petryk), либо в западно-полесских (ср. **блр.** п. 363 'petryk; 373 'sydorko; 374 'petryk) и значительно реже – в среднебелорусских (ср. **блр.** пп. 367 and'rejka-kupa'rejka; 387 and'rejka-kupa'rejka). В остальных славянских диалектах они встречаются спорадически (ср. **плс.** m'ikoцајек или **укр.**, причем преимущественно в севернополесских говорах пп. 402 fe'dyrka-ko'myrka; 409 'petryk; 410 and'r'ijko 436 'petryk).

Таким образом, на карте довольно четко выделяется широкая полоса диалектов (лужицкие, чешские, большая часть польских, белорусских и украинских говоров), в которых названия божьей коровки эксплицируют тему ЖЕНИХА на „свадьбе Солнца“.

Что касается НЕВЕСТЫ, то ее семантическое поле более расчлененное и лексически неоднородное, поскольку сюда входят не только названия собственно невесты, но и названия всех ее мифологических атрибутов, а также функций в этом свадебном обряде.

Итак, мифическая НЕВЕСТА передается на карте лексемами:

– с корнем *nevěst- (*nevěsta, *nevěstica, *nevěstul'ka): все эти лексемы локализируются в говорах Македонии (**мак.** пп. 90 'careva ne'vestica; 92 cara'nestica; 97 ne'vestul'ka; 111 'carivə ni'vesta);

– с корнем *rap- (*rap'na, *rap'ny'ka), ареал этих лексем находится в польских говорах, причем в основном в малопольских (ср. **плс.** пп. 291 rap'ijka; 300 rap'ijka; 316 rap'eŋka), в единичных пунктах великопольских (п. 248 rap'eŋka) и шленских (п. 289 rap'eŋka);

– с корнем *sirot- (*sirot'ka: **плс.** šírotka малопольские говоры п. 323);

¹ Ср. в связи с этим заклинания, обращенные к божьей коровке, с целью узнать о замужестве: сх. „Кажі, маро, откуда ће сватові доћи“ (Терновская, 1995: 221).

— с корнем *rod- (*rodinъka: **плс.** rožinka малопольские говоры п. 314);

— с корнем *pas- (*pastuъka: **плс.** pastuska малопольские говоры п. 305);

— с корнем *vorž- (*vora, *voržъka: **плс.** цора мазовецкие говоры пп. 282, 293; wroš'ka малопольские говоры п. 325; **укр.** wo'rožka галицко-буковинские говоры п. 496);

— с корнем *věd-/*věm- (*rověmъčica, *rověmъka: **слн.** приморские говоры: п.3 ro'venъčica; п. 5 ru'vje:цka; **хорв.** чакавские говоры п.22 praviје:nъčica; п. 24 paven'čica);

— с корнем *god- (*godinъka: **плс.** gož'inka п. 251 мазовецкие говоры).

Символом божьей коровки как невесты солнца являются и многочисленные женские имена собственные, возникшие вследствие христианизированной перекодировки этого мифологического персонажа, восходящие к именам канонических „невест Христовых“ — Екатерины, Елены, Аполлонии, Анны, Магдалины, Вероники, Петрунии и др. (ср. *katarinъka, *katica, *margetica, *magdalenъka, *anъčica, *veronica, *elena, *petronila, *apolonica, *apolenъka, *apolonъka и этимологически связанные, по мнению С. Утешеного, с этим именем дериваты типа *rinъka-linъka). Интересно, что все эти лексемы распространены в основном в западнославянских диалектах, причем преимущественно в чешских, ср. **чеш.** *veronъka (п. 193 veronъka; п. 194 veronъka; п. 196 veronъka; п. 199 veronъka; п. 200–201 veronъka); *magdalenъka (п. 184 majdelinъka; п. 190 majdalenъka; п. 205 majdal'e:нka); *rinъka-linъka (п. 178 rinъkalinъka; п. 188 rinъkalinъka); **слн.** *katarinъka (п. 211 katerinka); **плс.** *katarinъka (п. 255 katrynka); *petronila (п. 238 p'etruška; п. 253 b'edronka p'etruška; п. 299 petrunelka; п. 311 p'etruska), а из южнославянских — главным образом в словенских, ср. **слн.** *apolonica (п. 5 ru'lo:ca; п. 6 pikara'luonca; п. 8 pikara'lo:nca; п. 9 pikapul'ō:nca; п. 14 pikaroluonca); *apolonъka (п. 13 pa'cuonъka); *margetica (п. 21 mar'-geјtica; 149 'bogina mar'ge:ca), и лишь в единичных случаях в штокавских говорах сербского языка, ср. **серб.** *anъčica (п. 39 à:nъčica); *katica (п. 150 katica). Из восточнославянских языков эти названия (причем в основном соотносимые с именем св. Елены) встречаются лишь в отдельных украинских диалектах (ср. **укр.** п. 171 elenъka; п. 442 a'lenka; п. 446 a'lenka; п. 467 o'lenka 'boža; п. 485 o'lenka; п. 487 ji'lenka; п. 497 i'l'in'ka, п. 836 o'lenka).

Сюда же, по-видимому, можно отнести и единичную лексему 'tazarka, отмеченную в македонском п. 109, внутренняя форма

которой отсылает к народному обряду, совершаемому в день св. Лазаря, в котором участвует девушка, одетая в красную одежду.

К метафорическим символам невесты (по крайней мере в восточнославянских диалектах) вслед за О.А. Терновской (ссылающейся на русскую диалектную форму *коровка* 'невеста' Смол., СРНГ 14: 353) можно, пожалуй, отнести и названия с корнем *korv- (*korvъka, *korvušъka, *korvica, *korvišъka и др.), поскольку в восточнославянской фольклорной традиции в свадебном обрядовом комплексе „корова ассоциируется с женщиной, невестой“ (Бушкевич 1995: 229).² На это же как будто бы косвенно указывают и названия свадебного пирога — *каравая* (этимологически связанного с корнем *korv-), а также ритуальных свадебных пиршеств (ср. *каравай* 'свадьба' Смол.; // 'княжий пир на свадьбе, на котором подается обрядовый свадебный хлеб' Тул.; // 'один из трех пиров у молодых после свадьбы' Ворон., СРНГ 13: 66) и игр (ср. *молить каравай, носить каравай, играть караваем*), в которых обязательно участие каравайниц. Эти названия, действительно, хорошо вписываются в общую концепцию мифологической „свадьбы Солнца“. Вместе с темстораживает распространение этих лексем, покрывающих практически полностью территорию русских диалектов, значительную часть украинских и белорусских (причем не только пограничных с русскими, но и полесских), большую часть словацких диалектов, периферийных польских и некоторых словенских и сербских (штокавских) диалектов. Вряд ли такой обширный ареал можно связывать со значением одной лексемы (*коровка* 'невеста' Смол.), имеющей к тому же довольно ограниченную локализацию. Кроме того, трудно допустить, что вторичная метафорическая персонификация этого жучка в столь разных диалектах могла происходить по одной и той же модели «корова» → «невеста»: это значит, что образное видение этой реалии практически во всей Славии было одним и тем же, что противоречит самому материалу карты, демонстрирующему удивительное многообразие мотивационных признаков. Наконец, среди названий, построенных по этой же модели, встречаются и другие животные, а именно, волк (ср. п. 16 b^uo:žī uò:lk), вол (ср. п. 15 'boži 'vo:łək; п. 17 'božji 'volik; п. 29 'boži 'vol'ek), баран (п. 578 'božyj ba'rašok), овца (ср. п. 37 'bo:ž'ja ov'čica; п. 44 'božja ov'čica; п. 215 ramboškova ovečka), коза (ср. п. 673 'boγova ko'zarka) и даже птица (ср. п. 341 kana'rejka božačka), что как будто бы не вписывается в свадебную символику невесты.

² Подробнее об этих ассоциациях см. Топоров 1991; Топоров 1999 и др.

Все эти соображения не позволяют игнорировать и другое символическое толкование божьей коровки (по крайней мере для западнославянских диалектов, так как в южнославянских диалектах известна лексема *koŋvaj в значении свадебного пирога, см. в связи с этим карту, представленную ЭССЯ 11: 114) как „скота, принадлежащий богу или некоему божественному персонажу“, поскольку во многих славянских фольклорных традициях известна символическая связь насекомых со скотом (Гура 1997: 501), ср. в связи с этим русские названия других насекомых с атрибутивом божий: *божйй коник* ‘кузнечик’ Онеж., Арх.; *божйй коничек* ‘стрекоза’ Онеж., Арх.; *божйй конёк* ‘луговой кузнечик’ Холмог., Арх.; СРНГ, 3: 64) и др.

Итак, мифическая НЕВЕСТА может быть представлена также и лексемой с корнем *koŋv-, ср.

хорв. кайк. п. 30 п. bõžja k'ra:vica; 31 'bo:žja k'r̩a:včica; п. 32 'bo:ža k'ra:vica; **чак.** 147a 'buožja k'ra:vica; 148a 'buožja k'ra:vica; **серб. шток.** 167 'božijə 'kravə; 168 'boža 'kravica; **мак.** 90 'kravica 'božica; **блр. сев-вост** 327 'božija ka'rouka; 328 'božaja ka'rouka; 329 ka'rouka 'božyja; 330 ka'rouka-bu'houka; 331 'božaja ka'rouka; 332 'boγava ka'rouka; 333 'božyja ka'rouka; 334 ka'rouka-ma'rouka; 335 ka'rouka-mu'rouka; 336 'božaja ka'rouka; 337 'božaja ka'rouka; 338 'boža ka'rouka; 339 'božaja ka'rouka; 342 'bož:əja ka'rouka; 346 'božaja ka'rouka; 349 'bož:a ka'rouka; 350 'božaja ka'rouka; 351 'božaja ka'rouka // ka'rouka-mu'rouka; 352 'bož:ыja ka'rouka; 357 'božyja ka'rouka; 359 ka'rouka-mu'rouka; 360 'božyja ka'rouka; 367-368 'božaja ka'rouka; 369 'bož:ыja ka'rouka; 370 'bož:a ka'rouka; 371 'božyja ka'rouka; 380 ka'rouka; 381 'bohuva ka'rouka; 388 'bož:a ka'rouka; **ю-зап.** 343 'boža ka'rouka; 344 'bohava ka'rouka; 345 'boža ka'rouka; 356 'boža ka'rouka; 364-365 'boža ka'rouka; 373 'sydorko; 375 ko'reuka; 377 'božaja ka'rouka; 382 'božaja ko'rouka; 390 ko'rouka 'božja; **ср-блр.** 387 'božaja ka'rouka; 392 'božaja ka'rouka; 393 'boγava ka'rouka; 397 ka'rouka-mu'rouka; 398 ka'rouka; 399 'bož:a ka'rouka; 400 ka'rouka; **укр. сев-полес.** 361 'bož:a ko'rovka; 417 'boža ko'ruouka; 424 ko'rouka; 425 'boža ko'rouka; 426 ko'rouka; 436 'boža ko'ruouka; 437 'boža ka'rouka; 438 'boža ka'rouka; 439 'boža ka'rouka; 442 'boža ka'rouka; 444 ko'ruouka; 445 ka'rouka; 457 'bož:a ko'ryuka; 459 'bož:a ko'ryuka; 460 'bož:a ko'ryuka; **ю-зап.** 421 'božyja ka'rouka; 430 'božyja ka'rouka; 434 'bož:a ko'ryuka; 451 'božyja ka'rouka; 455 'boža ko'riuka; 474 'boža ko'rouka; 483 'boža ko'rouka; 484 'boža ko'rouka; **ю-вост.** 480 'boža ko'riuka; 481-482 'boža ko'rouka; 492 'boža ko'rouka; 514 'boža ko'rouka; 521 'boža ko'rouka; и практически повсеместно в русских диалектах).

Специфическими метафорическими заместителями названий невесты являются и лексемы, связанные с названиями свадебного деревца (ср. **слц.** п. 219 *kalinka*; **плс.** п. 244 *maḱofka*; п. 298 *jabѡѡŋka*), превратившиеся в свадебно-поэтические эпитеты невесты.

Со СВАДЕБНОЙ символикой связаны, по-видимому, и названия различных свадебных атрибутов (коробочек, сундучков), используемых в девичьих гаданиях (ср. **серб.** п. 42 *gu:špa šk'rińica*; **плс.** п. 302 *kryška*; **рус.** п. 743 *ko'gorpa* // *ko'robočka*).

Таким образом ареал мифической НЕВЕСТЫ имеет также достаточно ярко выраженный характер: это прежде всего восточно-славянские диалекты, а также отдельные южнославянские, в которых мифическую невесту представляет зооморфный образ коровы, западнославянские (чешские, польские), украинские и македонские, в которых невеста персонифицируется в конкретных личных именах (в том числе и в именах собственных).

Мифическая ЖЕНА представлена всего несколькими польскими лексемами (ср. **плс.** п. 284 *maćeŋańka*; п. 285 *maużonka*; п. 295 *maćeżunka*) и одной македонской (п. 96 *kralica*).

Однако если учесть содержание мифа (в котором эта жена является неверной, оставляющей своих детей), то сюда, по-видимому, можно отнести названия с корнями **mat-* и **bab-*:

— **mat-* (ср. **плс.** п. 243 *'matynečka*; **рус.** п. 608 *ko'rovuška-'matuška*; п. 786 *ka'rofka-'matuška*. „Названия, определяющие божью коровку как мать, соответствуют образу этого насекомого как матери детей в детских закличках, например, рус. „...там твои детки кушают котлетки“ (Гура 1997: 499); ср. также и другую детскую закличку: „Божья коровка, лети домой, твой дом в огне, твои дети горят“ (Топоров 1987: 182);

— **bab-* (ср. **серб.** п. 61 *prđibaba*; п. 71 *baba'je:la*; п. 169 *'baba-'ruža* **мак.** п. 92 *baba-mare*; п. 113a *baba 'kale*; **слц.** п. 227 *babilonka*; п. 233 *bababiń*; **плс.** п. 266 *babuška rabuška*; п. 300 *barpa*; п. 313 *barpa*; **рус.** п. 568 *'bab'ja ko'rofka*; п. 835 *'baba łona*). „Поскольку божьей коровке присуща роль посредницы между миром живых и миром мертвых, или предков, можно связывать эти названия с бабой как термином родства и видеть в них отражение представлений о божьей коровке как прародительнице“ (Гура 1997: 499).

Сюда же (основываясь опять же на отрицательной аксиологии этого образа) следует, по-видимому, отнести и многочисленные названия с корнем **mar-* (**bubamara*, форма реконструируется С. Утешены как „жучок Мары > жучок Марии“ или **letmara*), которые соотносятся с мифологической Марой — отрицательным персонажем

славјанској мифологији (симболом нечести, вредоносности), експлицирујућим опозицију животи и смрти. Карактерно такође, да чуцело Мары сжигают на костру в ноћ на Ивана Купалу, поэтому Марью в купальских песнях-легендах считают трансформацией образа Мары (Иванов, Топоров 1995: 253), т.е. в названиях божьей коровки эта „Мара сочетает в себе черты жены громовержца и богоматери девы Марии“ (Топоров, 1987: 182), ср. в связи с этим **мак.** названия божьей коровки п. 102 ma'rija; п. 110 ma'ruška. Интересно, что все эти названия локализируются в основном в сербских (штокавских) и македонских говорах, образуя довольно плотный ареал (ср. **серб.** п. 36 buba má:ra; п. 40 bubamá:ra; 41 bubamá:ra; п. 45 buba má:ra; п. 46 bubamá:ra; п. 49 bubamá:ra; п. 52 buba má:rà; п. 53 buba-má:ra; 54-55 bubamá:ra; 56 buba Mǎ:re; п. 57 búbamá:ra; п. 58 bubamá:ra; п. 60 bubamá:ra; п. 64 bubamá:ra; п. 65 buba Mǎ:re; п. 66-70 bubamá:ra; п. 71 buba'ma:ra; п. 72-73 buba'mǎ:ra; п. 74 buba'ma:ra; п. 75 bubama:'ra; п. 76-77 bubamá:ra; п. 79 pol'etmá:ra; п. 80-82 bubamá:ra; п. 83 šaramá:ra// bubamá:ra; п. 84-87 buba'mara; п. 88 búbamá:ra; **мак.** п. 92 baba-mare; п. 94 'letmara; п. 95 'putmara; п. 98 'putmara // buba-'mara; п. 100 buba'mara; п. 103 let'mara; п. 104 lit'mara; п. 105 let'mara; п. 107 lita'mara; п. 108 lit'mara; п. 109 buba'mara).

Мифическая ЖЕНА (а точнее ее душа) предстает и в „кукушечьих“ наименованиях (поскольку кукушка, как известно, также оставляет своих „детей“). Божью коровку роднит с кукушкой и роль предсказательницы в гаданиях о женитьбе и смерти, а также посредническая роль между разными мирами (Гура 1997: 498).

Эти названия характерны в основном для украинских юго-западных (посанских, волинских, поднестровских, подольских) диалектов (ср. **укр.** п. 401 zq'zul'ka; п. 412-414 za'zul'ka; п. 421 za'zul'a; п. 429 za'zul'ka; п. 431 za'zul'ka; п. 450 za'zul'ka; п. 469 zu'zul'ka; п. 471 zq'zul'ka; п. 472 za'zul'ka; п. 488-489 za'zul'ka; п. 498 za'zul'ka; п. 507 ze'zul'ka; п. 522-524 za'zul'ka), а также для пограничных с ними малопольских (ср. **плс.** п. 306 zezula; п. 314-315 zyzulka; п. 324 zuzula; 326 zazulka). В польских диалектах встречаются и другие „птичьи“ символы жены (ср. п. 270 skovrunyšek; п. 275 leb'otka).

Таким образом, названия мифологической ЖЕНЫ имеют довольно четкий ареал, покрывающий практически все сербские и македонские говоры, а также юго-западные украинские.

От названий наказанной жены громовержца логически проистекает связь с темой ДЕТЕЙ (ср. белорусское название божьей коровки в п. 368 and'rejka-bratka). Напомню, что согрешившая жена дает начало вредоносным насекомым — комарам, мухам, муравьям,

жучкам и др. насекомым, трактуемым как ее дети (Топоров 1987: 182). Характерно, что этот мотив сохранился в основном в восточно-славянских (причем преимущественно в русских) диалектах, ср. следующие названия божьей коровки (**рус.** п. 576 'božja 'mixon'ka; п. 597 'bogova 'muxa; п. 607 'božja bu'kaška; п. 654 'bogəva bu'kaška; п. 746 'boḡəva bu'karka; п. 790 'babəč'kə 'božje; **укр.** п. 466 'muška zolo'ta; или **плс.** п. 246 paṇna muška).

И наконец, на карте довольно отчетливо вырисовывается последняя тема мифа — тема СКОТА бога громовержца. Ее репрезентируют лексемы с корнями:

— *korv- (ср. **слц. зап-слц.** п. 154 k'ravička; 209 paṁboškova kravička; 210 paṁbenkova kravička; 212 pa:ṁboškova kravička; 213 pa:ṁbuškova kravička; 214 pa:ṁboškova kravička; 221 pa:ṁboškova kravička; **ср-слц.** 155 pa:ṁbošt'ekova kravka; 216-217 pa:ṁboškova kravička; 220 pa:ṁboškova kravička; 222 pa:ṁboškova kravička; 223 paṁboškova kravička; 225 paṁboškova kravička; **вост-слц.** 156 paṁboškova kravička; 229-230 paṁboškova kravička; 231 boža kraṇka; 232 paṁboškova kravička; **плс. маз.** 263 bož'a kraṇka; kṛofka; 265 kṛofka; 266 boža kṛufka; 274 boža kṛofka; 287 boža kṛufka; 296 kṛufka; мал-плс. 300 kṛufka; 303 kṛufka; 317 bozo kṛofka; 320 božā kṛofka; **нов.** 239 kṛofka; 252 boža kṛufka; **кашуб.** 245 kṛofka; **шленск.** 290 kṛufka;

— *ovъs- (ср. **хорв.чак.** п. 37 'bo:žja ov'čica; п. 44 'božja ov'čica; **слц.** 215 paṁboškova ovečka);

— *baran- (ср. **рус.** п. 578 'božyj ba'rašok);

— *vol- (ср. **слн.** п. 15 'boži 'vo:lək; п. 17 'božji 'volik; 18 'bu:ži 'vu:lek; 19 'buožji 'uolek; п. 147 bó:žjə wò:lə; **хорв. кайк.** 28 'bō:ži vo'lek; 29 'boži 'vol'ek; 35 'bøži vð:lək; **чак.** 146a 'buò:žji volà:k).

Нетрудно заметить, что тема „скота“ имеет довольно небольшой ареал, поскольку имена с указанной семантикой представлены довольно плотно в словацких диалектах и частично в польских. Из южнославянских диалектов они встречаются лишь в некоторых словенских и хорватских.

Таким образом, материалы карты № 44 'божья коровка' довольно четко группируются вокруг основной темы славянского мифа — темы „свадьба Солнца“, которая в разных диалектах получает свое развитие (все остальные темы мифопоэтического образа божьей коровки находятся на периферии славянской этнокультурной традиции). Глобальная оппозиция формируется мифологемами ЖЕНИХ и НЕВЕСТА:

в русских диалектах названия божьей коровки соотносятся в основном с мифической невестой;

в украинских диалектах они развивают прежде всего тему жениха;

в белорусских диалектах мифологическая семантика божьей коровки связана с темой жениха и невесты;

в польских и лужицких диалектах в названиях божьей коровки реализуется главным образом тема жениха (в лужицких — только жениха);

в чешских диалектах — тема жениха и невесты;

в словацких диалектах названия божьей коровки развивают тему невесты;

в южнославянских диалектах (в том числе и в болгарских диалектах, судя по материалам Д. Младеновой 1994: 195) в названиях божьей коровки реализуется в основном тема невесты (жены) (ср. болг. *невестичка*, *геленджик*, *господьова момичка*; *божа майка*, *божа майчица*, *калиманка*, *калманка*. *кума*, *кумица* и др.).

Эта глобальная оппозиция в языковом отношении получает разное выражение — либо антропоморфное (например, в чешских, польских, украинских, белорусских, южнославянских диалектах), либо зооморфное (в основном в русских, отчасти в украинских и белорусских, а также в отдельных хорватских, сербских и македонских диалектах), либо солярное (в основном в лужицких, чешских, отчасти польских и юго-восточных украинских диалектах). В этой связи обращает на себя внимание ситуация в украинских диалектах, в которых, несмотря на то, что ведущей является тема жениха, до сих пор живут все (антропоморфные, зооморфные и солярные) мифологические образы божьей коровки, чего не наблюдается в других славянских диалектах, причем даже близкородственных.

Таким образом, многочисленные диалектные названия божьей коровки являют собой осколки разбитого славянского мифа, которые рассыпаны по всем славянским диалектам. И материалы Атласа представляют собой не только бесценный источник для реконструкции и прочтения этого мифа, но и сами могут быть осмыслены и поняты при условии их соотнесенности с данными фольклора и духовной культуры славян. Этнолингвистический подход к репрезентации материала на карте открывает, таким образом, большие перспективы перед Общеславянским лингвистическим атласом в картографической репрезентации духовной культуры славян.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бушкевич 1995 — Бушкевич С.П. Корова //Славянская мифология. М., 1995.
- Гура 1997 — Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Иванов, Топоров 1995 — Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Мара //Славянская мифология. М., 1995.
- Ivić, 1983 — Ivić P. Faktori koji utiču na razvoj vokala u slovenskim jezicima// Јужнословенски филолог, XXXVIII. Београд, 1983.
- Младенова 1994 — Младенова Д. Етнолингвистично изследване на българските названия за калинка-малинка (*Coccinella septempunctata*) в балканска и славянска перспектива // Етнографски проблеми на народната култура. София, 1994. Т. 3.
- ОЛА, I, 1988 — Общеславянский лингвистический атлас, серия лексико-слово-образовательная, вып. I „Животный мир“. М., 1988.
- Топоров, 1987 — Топоров В.Н. Божья коровка // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1.
- Топоров 1991 — Топоров В.Н. Еще раз о балтийский и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа //Балто-славянские исследования 1980. М., 1991.
- Топоров, 1999 — Топоров В.Н. Об одной мифоритуальной „коровье-бычьей“ конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.
- Терновская, 1995 — Терновская О.А. Божья коровка // Славянские древности.М., 1995. Т. 1.
- Утешены 1977 — Утешены С. Названия божьей коровки (*coccinella septempunctata*) в Общеславянском лингвистическом атласе // Общеславянский лингвистический атласа. Материалы и исследования 1975. М., 1977.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974 —, вып. 1—.